

Особенности перевода при раннем естественном двуязычии: *case-study* с итало-русским билингвом

Liana Goletiani (Università degli Studi di Milano)

Transfer Features in early bilingualism: case study of an Italian-Russian bilingual subject.

Despite the fact that questions regarding translation in bilingualism have occupied the attention of researchers for several decades, the specific translation strategies of “early” bilingual persons are still not very well understood. Among the causes of this situation is the relative lack of long-term studies of the development of bilingual translation skills, which in the case of Russian as a second language is particularly notable. However, the acquisition of more precise data regarding this phenomenon is of great importance not only for cognitive science, but also from the point of view of the effective teaching of translation as a professional activity to young as well as adult bilinguals. In addition, studies to date have usually focused on the detection of errors in translation into the second language. However, as it turns out, the quality of translation into the native language depends, to a large extent, on the degree of bilingualism.

This article is a case study, using as its subject for this experiment in translation, an “early” natural bilingual person whose first language was Italian and whose second language was Russian. His translations from Russian into Italian were compared with those of bilingual adults and also speakers of Italian who began, by choice, to study Russian in adulthood. Contrastive analysis showed that the early, naturally bilingual translator employed a much greater variety of types of transformations, among which were, principally, omission, addition, semantic generalization and substitution, syntactical reformulation and modification. On the other hand, the “late” bilinguals gave priority to semantic accuracy. In addition, the bilingual translator was more successful in idiomatic appropriateness and achieved greater stylistic and genre competence. His translations were more attuned to the culture of the target language and took more account of the perception threshold of the hypothetical reader/listener.

At the same time, the translations of the “early” bilingual subject showed marked weaknesses such as excessive arbitrariness, linguistically unmotivated application of transformations and overconfidence in the interpretation of the original text.

Предпосылки исследования

Во введении к своей книге "Сказать почти то же самое. Опыты о переводе" Умберто Эко перечисляет требования, которые должны быть удовлетворены в исследованиях, изучающих феномен индивидуального билингвизма. Согласно автору для этого необходимо

час за часом, изо дня в день наблюдать за поведением ребенка, который подвергается воздействию двух языков. Такой опыт должны накапливать только (i) лингвисты, (ii) состоящие в браке с иностранцем [...], (iii) имеющие детей и (iv) располагающие возможностями для того, чтобы регулярно наблюдать за собственными детьми, начиная с самых первых их выражений (Есо 2010: 13, перевод мой – ЛГ).

Несмотря на то, что исследований, отвечающих таким требованиям, становится все больше, их все еще недостаточно, чтобы можно было считать этот феномен описанным должным образом.¹ Постоянно корректируется, уточняется и дифференцируется само понятие *индивидуальный билингвизм*. Оно может иметь широкое или узкое толкование, а также – в зависимости от выделяемого критерия – разделяться на виды. Это привело к тому, что исследователями был выработан ряд специфицирующих терминов, иногда не бесспорных. Так, только в работах, изучающих когнитивные аспекты индивидуального билингвизма, о феномене говорят как о координативном и субординативном, последовательном и симультанном, сбалансированном и рецептивном, раннем и позднем, детском и взрослом, спонтанном, сознательном, врожденном, искусственном, учебном и мн. др. (см, напр., Lambert 1978; Roger 1976).

Сложная природа явления, с одной стороны, и большое число вовлеченных естественных языков – с другой, предопределили бурный рост как междисциплинарных исследований самых разных языковых комбинаций, так и обобщающих их работ (см., прежде всего, Grosjean 1982, Bialystok/Hakuta 1994, Hamers/Blanc 2000, Nicol 2001, Bhatia/Ritchie 2004, Pavlenko 2011, Bhatia/Ritchie 2008, Altarriba/Heredia 2008, Zalevskaia 2008). Исследователями было выдвинуто несколько общих и частных гипотез, вокруг которых ведется интенсивная дискуссия. В круг самых обсуждаемых когнитивных аспектов феномена входит гипотеза о существовании критического, наиболее чувствительного к усвоению второго языка возраста (*sensitive-age hypothesis*), который в большинстве исследований определяется наступлением пубертетного периода. В этой связи наиболее актуальным остается вопрос о том, "how far is L2 aquisition after neuropsychological maturity different from L2 aquisition during this period?" (см., напр., Hamers/Blanc 2000: 74).

К далеким от разрешения относится и вопрос о связи билингвизма со способностью к языковому посредничеству: "The question whether or not any bilingual can translate obviously does not have one definite answer" (Burge 2007). Что не вызывает сомнения, так это необходимость дифференцированного подхода к изучению разных видов языкового посредничества. Исследователи достаточно едины в позитивной оценке способностей детей-билингвов к устному (особенно – неформальному, спонтанному) посредничеству (Grosjean 1982: 200-201). В то время как формальный, особенно письменный перевод, может вызывать у билингвов, как детского, так и взрослого возраста, немалые трудности (Grosjean 1982: 256-257). Вместе с тем, подчеркивается, что эти трудности не связаны с когнитивными процессами (напр, легко преодолимая трудность незнания специальной лексики в слабом языке), а, значит, нерелевантны для исследования принципиальных корреляций (см. об этом Francescato 1981: 67).

1 О проблемах методологического характера в исследовании индивидуального билингвизма см. Hamers/Blanc 2000: 80-81.

В поисках ответа на вопрос, что дает – с точки зрения переводческой деятельности – двуязычная компетенция, была выдвинута гипотеза о наличии особой – "врожденной" переводческой способности билингва (*innateness hypothesis*), при чем и здесь подчеркивается важность возрастного критерия при определении предрасположенности к переводу (см., прежде всего, Lambert 1978, Harris/Sherwood 1978). В наиболее категоричных формулировках понятия "natural translation" и "bilingual" настолько сближаются, что неизбежен противоречивый вывод о "вредности" обучения переводу: ведь при накоплении определенного переводческого опыта билингв утрачивает "естественность" (Burge 2007). Для снятия этого противоречия в Toury (1995) вводится понятие "native translator". В него помимо естественного двуязычия автор включает такие существенные для развития переводческих способностей факторы как социальное мотивирование и профессиональное предназначение:

Be that as it may, in contradiction to Harris' natural translation, where there was a distressing gap between the innateness hypothesis and the need to account for the emergence and development of translating as a skill, the notion of native translator applies to overt behavior only and is intrinsically developmental. It is therefore not only more flexible and convenient to work with; it also seems more in keeping with the actual process of initiation one would undergo on one's way to becoming a culturally acknowledged translator (Toury 1995: 254).

Одним из немногих выясненных на сегодня когнитивных аспектов раннего билингвизма, определяющих его переводческие преимущества, можно считать механизм эффективной блокировки неэквивалентных решений, который у билингвов развит лучше в силу постоянно тренированного контроля за выбором кода.

Среди последних работ, исследующих взаимосвязь билингвизма и перевода в дидактическом ракурсе, особый интерес представляет работа Salmon/Mariani 2012. В ней высказывается острая критика существующей традиционной практики подстрочного перевода при обучении языку во взрослом возрасте, идущей от школьного преподавания классических языков. По мнению авторов во взрослом билингве при обучении переводу необходимо развивать те когнитивные механизмы, которые при раннем билингвизме активируются естественным образом.

В пользу данного вывода говорят и наблюдения о динамике исследовательских подходов к изучению особенностей овладения и пользования вторым языком:

В последнее время все более распространенным становится мнение, что между процессами овладения РЯ и ИЯ больше сходства, чем различий [Aitchison 1993: 109], механизмы речевой деятельности на родном и иностранном языках одни и те же [Зимняя 1989: 167], обучаемые проходят аналогичные стадии речевого развития, допускают сходные типы ошибок и т.п. (Залевская 1999: 292)

Очевидно, что ни верификация выдвинутых гипотез, ни разработка новых не могут обойтись без более обширного и более точного эмпирического знания о том, как же именно переводит носитель раннего билингвизма, чем его переводы отличаются от переводов, выполненных носителями позднего и учебного билингвизма. Этот вопрос напрямую связан с получением данных о переводах естественного, "неиспорченного" дидактическим натаскиванием естественного билингва в сопоставлении с данными о том, как с теми же переводческими заданиями может справиться более "сознательный" переводчик – носитель учебного билингвизма, уже вовлеченный в традиционную школьную практику подстрочного перевода. На его разрешение и был направлен организованный нами переводческий эксперимент.

Участники, методы и цели переводческого эксперимента

В соответствии с гипотезой о существовании критического возраста в изучении второго языка в эксперименте участвовали информанты двух категорий, различаемых именно по типу билингвизма. Они выполнили письменный перевод на итальянский язык одного и того же русского текста. Полученные переводы и послужили материалом для исследования, в качестве основного метода которого был использован контрастивный анализ и анализ переводческих ошибок.

Основная цель эксперимента состояла в том, чтобы на основе различий, наблюдаемых в переводах информантов, обнаружить те переводческие особенности, которые можно предполагать свойственными раннему билингвизму.

Характеристики информантов

1. Группа из 27 информантов с поздним учебным билингвизмом (далее – ИПБ), – носители итальянского языка, обучающиеся на момент эксперимента на втором курсе магистратуры. Все они начали изучать русский язык по достижении 18 лет, многие из них прошли интенсивный курс обучения языку и переводу в разных вузах России (1 семестр). Все информанты проявили большой интерес к университетскому курсу спецперевода. Задание для эксперимента не входило в обязательную программу курса. Все информанты надеются по окончании университетского курса найти работу, где бы они смогли использовать и совершенствовать свою компетенцию в русском языке. Многие из них хотели бы продолжить изучение русского языка и культуры в России.

2. Информант с ранним естественным билингвизмом (далее – ИРБ), наблюдения за вербальным поведением которого в большой степени соответствуют выше названным требованиям У. Эко. Это девочка 12 лет из многоязычной семьи, родной язык матери – русский, родной язык отца –

итальянский. До шестилетнего возраста ребенок воспитывался дома, и развитие в обоих языках проходило симметрично, более того – в слабом (русском) языке усвоение сложных синтаксических структур опережало усвоение аналогичных структур сильного (итальянского, поддержанного средой) языка. Незначительный трансфер из русского наблюдался также в произношении и грамматике. По достижении шестилетнего возраста информант начал посещать начальную школу, сфера использования русского языка стала постепенно сужаться, итальянский язык стал доминантным. На момент проведения эксперимента русский язык используется ИРБ в следующих сферах:

- ежедневное бытовое общение с матерью;
- общение с очень узким кругом русскоязычных ровесников;
- просмотр развлекательных и образовательных программ российского телевидения 1-2 раза в неделю;
- чтение и выполнение письменных заданий по учебным пособиям 1-2 раза в неделю.

На разных этапах в центре наблюдения и коррекционных усилий находились различные аспекты речевой компетенции, сопутствующие билингвизму – фонетическая и лексическая интерференция; факторы, провоцирующие *code-switching*; особенности усвоения отдельных грамматических категорий (напр., запоздалое, по сравнению с детьми-монолингвами, усвоение глагольного вида, устойчивые ошибки в образовании множественного числа существительных) и др. Но, пожалуй, наиболее непрозрачным, а потому стимулирующим исследовательский интерес аспектом на всех этапах становления двуязычной коммуникативной компетенции информанта было естественное развитие компетенции в языковом посредничестве. Потребность в языковом посредничестве возникала в разных ситуациях постоянно и спонтанно – при общении италоязычных и русскоязычных родственников и знакомых в неформальной обстановке, во время просмотра с итальянскими друзьями русских мультфильмов и под. Начиная с десятилетнего возраста в постоянную переводческую практику вошел третий язык – английский, так как ИРБ посещал среднюю школу с двуязычным (итало-английским) обучением, часть преподавателей и учеников которой – носители английского языка. Кроме того, в возрасте 11 лет было начато изучение французского, немецкого и латинского языков. В многоязычном окружении стимул к языковому посредничеству стал постоянным, перевод с одного языка на другой – обычным. Вместе с тем, ИРБ считает "по-настоящему" (термин информанта – ЛГ) родным только итальянский язык. В русском языке постоянно наблюдаются трансфер из итальянского и английского, интенциональный *code-switching* и осознанный *code-mixing*.

Для создания более точного лингвистического портрета ИРБ важно отметить следующие экстралингвистические черты:

- ИРБ не обнаруживает интереса к языкам как к возможной будущей профессии, среди школьных предметов отдает явное предпочтение математике;
- собственное многоязычие ИРБ рассматривает исключительно как удобный инструмент для получения информации и общения с иностранцами;
- традиционные грамматические упражнения вызывают у ИРБ неприятие, в то время как коммуникативные задания и языковые (в том числе многоязыковые) игры и шаржи выполняются с энтузиазмом;
- о своих переводческих способностях ИРБ высказывается скептически, подчеркивая, что любой перевод – это компромисс для данной конкретной ситуации и не заслуживает теоретических обобщений;
- для передачи и объяснения того или иного коммуникативного события ИРБ на всех языках часто переходит на уровень металингвистической рефлексии, напр., "Тем самым он как бы хотел сказать...", "Он думал, что здесь нужно было пошутить..", "Он это говорит, потому что так принято, но сам так не думает...";
- переводческие ошибки ровесников в тех языках, в которых ИРБ имеет большую компетенцию, высмеиваются редко, зачастую сопровождаются примерно таким комментарием: "Бедный, опозорился! Он же не знал, что англичане/русские/итальянцы говорят в такой ситуации совсем другое, он просто буквально перевел...".

Таким образом, относительно наиболее релевантных критериев различия между двумя типами информантов можно обобщить следующим образом:

- 1) критерий возраста с точки зрения *sensitive-age hypothesis* в овладении вторым (русским) языком:

ИРБ – носитель раннего естественного билингвизма, русский язык – второй родной (*acquisition*),

ИПБ – носители позднего учебного билингвизма, изучение русского языка начато во взрослом возрасте (*learning*),

- 2) критерий мотивации в занятиях устным и письменным переводом:

ИРБ – естественный перевод с целью общения в многоязычном окружении,

ИПБ – сознательный перевод с целью развития навыков и умений будущей профессии (*development translating as a skill* в терминах Toury 1995).

К выбору исходного текста перевода

Материалом для исследования послужили письменные переводы информантами книги Сергея Михалкова "Почему мыши котов не обижают" (Михалков

2003). Книга составлена из небольших басен, их персонажи – широко распространенные животные, воплощающие в обеих лингвокультурах разные человеческие добродетели и недостатки. Большую часть басен составляют динамические, коммуникативно интенсивные диалоги, стилизованные под разговорную речь. Истории ежедневного характера, отсутствие страноведческой информации, культурно-исторических реалий и специальной лексики дают возможность сосредоточить внимание на стратегиях передачи жанровых особенностей текстов. Все информанты назвали истории забавными, а задание по переводу – занимательным.

Эксперимент протекал в условиях, равных для обоих типов информантов. Условная цель перевода – заказ итальянского издательства, намеревающегося выпустить книжку для итальянских детей. Таким образом, устанавливалась четкая ориентация на предполагаемого адресата, так и необходимость соблюдения законов жанра. Это была самостоятельная работа, при необходимости информанты могли обращаться к словарю. Отмечено, что ИРБ почти никогда не прибегал к помощи словаря, даже в случаях лексической лакуны предпочитал установить значение по контексту. Например, не зная значение русского слова "трясогузки", но поняв из контекста, что речь идет о птицах, перевел его на итальянский, прибегнув к генерализации – *altri uccelli* (= *другие птицы*), прокомментировав собственное решение следующим образом: "Это здесь не важно, все равно таких птиц итальянские дети не знают. И вообще, это же – не научная лекция по орнитологии, это – сказка!" ИПБ, напротив, обращались к словарям для перестраховки даже в тех случаях, когда слово им было уже знакомо. В среднем, перевод одной басни занимал у ИРБ 15-20 минут, у ИПБ – от 40 минут до часа.

Результаты эксперимента

В ходе контрастивного исследования фиксировались все недетерминированные трансформации, т.е. те преобразования, которые не были обусловлены расхождениями в морфосинтаксических и лексических системах двух языков. В корпус таких трансформаций включалось любое преобразование ИРБ при условии, что ни в одном из переводов ИПБ этого переводческого преобразования не было зафиксировано. Затем из общего корпуса произведенных ИРБ преобразований были выделены наиболее продуктивные. Кроме того, в категории лексико-фразеологических трансформаций в переводах ИРБ зафиксировано большое количество удачных идиоматических соответствий, гораздо реже используемых в переводах ИПБ. Таким образом, к наиболее часто используемым приемам перевода ИРБ могут быть отнесены:

- опущения и добавления – от отдельного слова до целого абзаца,
- синтаксические реформулировки и перестановки на уровне от синтагмы до сверхфразового единства,

- семантические преобразования: замены, генерализации и др.,
- идиоматические соответствия.

Для иллюстрации выделенных категорий приведем полный текст одной басни и ее переводы. Для удобства сопоставления текст оригинала и тексты переводов разбиты на фрагменты и пронумерованы.

Текст оригинала – басня С. Михалкова «Что кошка о себе вообразила»

1. Прослышала где-то Кошка, что Тигр и Пантера принадлежат к семейству кошек.
2. Ого! – обрадовалась Кошка.
3. А я-то, дурочка, не знала, какая у меня родня! Ну, теперь я себя покажу...
4. И недолго думая она прыгнула на спину Осла.
5. Это еще что за новости? – удивился Осел.
6. Вези, куда прикажу. Вези и не разговаривай! Знаешь, кто у меня родственники? – воскликнула Кошка, сидя у Осла на загривке.
7. Кто же? – поинтересовался Осел.
8. Тигр и Пантера, вот кто! Не веришь – спроси у Ворона.
9. Осел спросил у Ворона. Тот подтвердил:
10. Да, действительно, кошка, тигр, барс, рысь, а также пантера и ягуар и даже лев – из семейства кошачьих!
11. Теперь ты убедился? – воскликнула Кошка, вонзая когти в Ослиную гриву. – Вези!
12. Куда? – спокойно спросил Осел. – К Тигру или к Пантере?
13. Не-е-ет! – неожиданно промяукала Кошка. – Вези меня к этим... как их... к ммм-мы-шам!..
14. И Осел отвез Кошку туда, где водились мыши. Потому что Кошка – это все-таки кошка.

Перевод ИРБ

Cosa la gatta ha deciso di se stessa

1. Un giorno la gatta venne a sapere che la tigre e la pantera appartenevano alla sua stessa famiglia.
2. Ah, sì? – si stupì la gatta.
3. E io che stupida non lo sapevo! Adesso sì che farò vedere a tutti chi sono!
4. Senza pensarci due volte, la gatta balzò sulla schiena dell'asinello.
5. Beh? – fece l'asino colto alla sprovvista – Che storia è mai questa?
6. Portami dove ti dico! Ubbidisci ai miei ordini! E sai perchè? Indovina chi sono i miei parenti?
7. Chi sono? – chiese l'asino sospettoso.
8. La tigre e la pantera, ecco chi! Se non ci credi, chiedilo al corvo, lui sa sempre tutto!
9. L'asino lo chiese al corvo.
10. Eh sì, – disse il corvo – Proprio così, il gatto, la tigre, il leopardo, la lince, la pantera, il giaguaro e il leone, fanno tutti parte della famiglia dei felini!
11. Adesso mi credi? – si rivolse la gatta all'asino. – Portami!

12. Dove? – fece l'asino – Dalla tigre e dalla pantera?
13. NOOO! – urlò la gatta – Portami da... da... da quei... come si chiamano?... Dai topi!
14. E l'asino la portò dai topi. Perché infine, la gatta, malgrado tutte le sue lontane parentele, rimane pur sempre una gatta!

Перевод ИПБ 1

La favola del gatto

1. Il Gatto venne a sapere da qualche parte che la Tigre e la Pantera appartengono alla famiglia dei gatti.
2. Caspita – si rallegrò il Gatto.
3. Che stupido, non sapevo di avere una tale parentela! Adesso ti faccio vedere io ...
4. e, non pensandoci su, fece un salto sulla schiena dell'Asino.
5. Che razza di novità è questa? – si meravigliò l'Asino.
6. Portami dove ti dico. Portamici e non parlare! Sai chi sono i miei parenti? – se ne uscì il Gatto. mentre sedeva in groppa all'Asino.
7. Chi? – si interessò l'Asino.
8. La Tigre e la Pantera, ecco chi! Se non ci credi chiedi al Corvo.
9. L'Asino lo chiese al Corvo. Questo confermò:
10. Sì, certamente il Gatto, la Tigre, il Leopardo, la Lince e anche la Pantera, il Giaguaro e persino il Leone sono della famiglia dei felini!
11. Allora ti sei convinto? – se ne uscì il Gatto, conficcando le unghie nella criniera dell'Asino. – Portamici!
12. Dove? – rispose con tranquillità l'Asino. – Dalla tigre o dalla Pantera?
13. Noooo! – miagolò inaspettatamente il Gatto. – Portami da quelli ... come quelli ... dai tooopi!
14. E l'Asino si diresse dove erano i topi. Perché il Gatto è dopo tutto un gatto.

Перевод ИПБ 2

Chi si crede di essere la gatta?

1. Una gatta ha sentito dire da qualche parte che la tigre e la pantera appartengono alla famiglia dei gatti.
2. Caspita! – si rallegrò la gatta.
3. E io, stupidina, che non sapevo quali sono i miei parenti! Bene, adesso ti faccio vedere io...
4. E dopo avere pensato un po' saltò sulla schiena dell'asino.
5. Che novità è questa? – si stupì l'asino.
6. Portami dove ti ordino io. Cammina e non fiatare! Lo sai chi sono i miei parenti? – esclamò la gatta che stava seduta sull'asino e si teneva per la collottola.
7. E chi sono? – rispose interessato l'asino.
8. La tigre e la pantera, ecco chi sono! Non ci credi? Chiedi alla cornacchia.
9. L'asino chiese alla cornacchia ed ella confermò:
10. Sì, è proprio così, la gatta, la tigre, il leopardo, la lince, anche la pantera e il giaguaro e perfino il leone appartengono alla famiglia dei felini!
11. Ti sei convinto adesso? – esclamò la gatta, conficcando gli artigli nella criniera dell'asino. – Vai!
12. Dove? – chiese delicatamente l'asino. – dalla tigre o dalla pantera?

13. Nooooo! – miagolò improvvisamente la gatta. – Portami da quei... sì quelli... dai tooooopi!...
14. E l'asino la portò dove si trovavano i topi. Perché una gatta è pur sempre una gatta.

Перевод ИПБ 3

Quello che la gatta pensava di sé

1. Da qualche parte Gatta aveva sentito che Tigre e Pantera appartenevano alla famiglia dei gatti.
2. Waw! – gioiva Gatta –
3. E io stupida che non sapevo neanche chi fossero i miei parenti! Allora, adesso lo faccio vedere io chi sono... –
4. e non pensandoci troppo balzò sulla schiena di Asino.
5. E cos'è questa novità? – disse meravigliato Asino.
6. Portami dove ti ordino. Portamici e senza discutere! Sai chi sono i miei parenti? – esclamò Gatta, seduta sul garrese di Asino.
7. E chi sarebbero? – chiese Asino incuriosito.
8. La tigre e la pantera, ecco chi sono! Non ci credi? – chiedi al corvo.
9. L'asino chiese al corvo. Quello confermò:
10. Sì, infatti, la gatta, la tigre, il leopardo, la lince, anche la pantera e il giaguaro, e pure il leone appartengono alla famiglia dei felini.
11. Ora sei meravigliato? – esclamò la gatta, infilando l'artiglio nella criniera dell'asino – Portami!
12. Dove? – chiese quietamente l'asino – Dalla tigre o dalla pantera?
13. Nooo! – miagolò d'un tratto al gatta. – Portami da loro... da quelli... dai tooooopi!
14. L'asino portò il gatto là dove erano i topi. Perché una gatta è pur sempre una gatta.

Контрастивный анализ переводов ИРБ и ИПБ

Предлагаемый контрастивный анализ фокусируется на продуктивных категориях переводческих преобразований ИРБ, противопоставляя их решениям ИПБ и, по возможности, раскрывает их мотивацию. В обсуждении применяемых переводческих приемов итальянские соответствия, предложенные информантами, даются нами в обратном переводе на русский. Уже после окончания эксперимента ИРБ было предложено прокомментировать собственные переводческие решения и решения других информантов. Эти комментарии также принимались во внимание. Наконец, учитывая, что речь идет об искусстве литературного перевода, мы представили полученные тексты на оценку эксперту, профессиональному переводчику детской литературы Марио Зале Галлини². Его мнение о допустимости и предпочтительности того или иного переводческого решения также нашло отражение в анализе.

² Кроме профессиональной переводческой, преподавательской и театральной деятельности Марио Зала Галлини сам является автором большого числа детских книг, изданных издательством Mondadori и переведенных на другие языки. Выражаю ему искреннюю благодарность за готовность выступить в качестве эксперта.

Опущения

Фрагмент 1

Во всех переводах ИПБ для передачи *где-то* используется *da qualche parte* (здесь: *откуда-то*). ИРБ полностью опускает это наречие, выражающее обстоятельство места, вместо него вводит обстоятельство времени, также неопределенное – *un giorno* (здесь: *как-то, как то раз*). Это добавление решает сразу две переводческие задачи. Во-первых, отчасти компенсируется опущение, так как сохраняется значение неопределенности в акте предикации. Во-вторых, такое начало конвенционально для жанра сказки в итальянском. Этот аргумент приводит и сам ИРБ в своем комментарии к опущению: "Это *da qualche parte* звучит странно по-итальянски, оно не нужно, так не говорят в начале сказки, а вот *un giorno* почти всегда говорят".

Фрагмент 6

В переводе ИРБ полностью опущены слова автора *воскликнула Кошка, сидя у Осла на загривке*. Комментарий ИРБ только отчасти оправдывает это опущение: "И так совершенно ясно, что это говорит кошка, а читатель, конечно же, еще помнит, что Кошка все еще сидит у Осла на шее. Нет смысла повторять одно и то же". Как будет показано ниже, в переводе ИРБ преобразования затронули абсолютно все слова автора, наиболее существенным семантическим трансформациям подверглись глаголы речи и восприятия. По сути, голос переводчика слышен наравне с голосом автора на протяжении всей басни.

Фрагмент 11

Деепричастный оборот *вонзая когти в Ослиную гриву* полностью опущен в переводе ИРБ, но точно передан во всех переводах ИПБ. Комментарий ИРБ объясняет этот переводческий произвол следующим образом: "Фраза мне не понравилась. Вонзают обычно нож. Эти кровожадные подробности в детской книжке ни к чему. Это же не *horror!* И так ясно, что Кошка – противная".

Добавления

Фрагмент 8

В переводе ИРБ после слов *Не веришь – спроси у Ворона!* введено добавление характеризующее Ворона – *lu sa sempre tutto!* (= *Он обо всех все знает* или *Он все всегда знает!*). Эта характеристика отсутствует в тексте оригинала. Все ИПБ ограничились точным переводом русской фразы. Вот как ИРБ прокомментировал свое решение: "Я знаю, что в русских сказках старый Ворон – символ ума, но я не уверена, что итальянские дети тоже это знают. А вдруг кому-то непонятно, при чем здесь Ворон. На всякий случай, я решила объяснить, что Ворон может быть арбитром в этой ситуации, потому что он

всезнайка, и Осел ему точно поверит". С учетом этого комментария, данное добавление, на первый взгляд, довольно произвольное, может быть оценено как оправданная экспликация лингвокультурной информации. Комментарий эксперта на вопрос о допустимости такого добавления: "Довольно смело, но почему бы и нет? Это добавление – хороший способ добавить красок в портрет Ворона, ведь он – персонаж, хотя и второстепенный, но очень важный."

Фрагмент 13

В реплику Кошки, имитирующую ее забывчивость *к этим... как их... к ммм-мышам!* ИРБ вводит добавление *come si chiamano?* (= да как же их зовут?). Фальшивая забывчивость Кошки получает, таким образом, более явный характер. Все ИПБ ограничиваются передачей повторов-хезитаций. Комментарий ИРБ о произведенной экспликации: "Так читателю становится абсолютно ясно, что она не просто медлит с ответом, а притворяется".

Фрагмент 14

Добавление *malgrado tutte le sue lontane parentele* (= несмотря на всех ее далеких родственников) также выполняет функцию экспликации. Произвольность этого преобразования, усиливающего заключительное нравоучение, его нарочитая дидактичность отчасти оправданы в комментарии ИРБ: "Это же для детей. Им нужно четко объяснить, малыши не всегда могут сами додумать!"

Семантические преобразования

Фрагмент 2

Для передачи *обрадовалась Кошка* в переводах ИПБ используются различные, более или менее точные лексические эквиваленты – итальянские глаголы со значением *испытать радость*, наиболее часто используемый – *rallegrarsi* (= развеселиться, обрадоваться). В переводе ИРБ используется глагол *stupirsi* (= удивиться, поразиться), что может рассматриваться как немотированная семантическая замена. Комментарий ИРБ: "Полностью не уверена, но, наверное, мне показалось тогда, что *stupirsi* здесь лучше, чем *rallegrarsi*, потому что удивление здесь больше, чем радость, ведь Кошка этого совсем не ожидала. А вообще, не так уж и важно *stupirsi* или *rallegrarsi*. Сегодня, может быть, я написала бы *rallegrarsi*, но никак не *gioirsi*, это было бы чересчур напыщенно. Это же не ода".

Фрагмент 7

Слова автора *поинтересовался Осел*, буквально переданные в переводах ИПБ, получили в переводе ИРБ семантическое уточнение *chiese l'Asino sospettoso* (= подозрительно спросил Осел). Эта семантическая замена произвольно меняет

не только речевое поведение, но и сам характер персонажа и немотивированно предвосхищает развитие сюжета.

Фрагмент 9

В переводе ИРБ полностью опущены слова автора о реакции Ворона *Tom* *подтвердил*, буквально переданные, однако, во всех других переводах. Позднее, в 10-ом фрагменте, вводится глагол речи *disse* (= *сказал*), но это глагол речи более широкой семантики. Комментарий ИРБ: "Из ответа Ворона совершенно ясно, что он подтверждает, зачем повторяться?" Немотивированная семантическая генерализация обеднила текст перевода, в то время как сама перестановка глагола может оцениваться как удачная, так как разбивка самой длинной реплики персонажа облегчает ее восприятие.

Синтаксические реформулировки и перестановки в порядке слов

Фрагмент 3

Переводы ИПБ передают русское придаточное дополнительное *какая у меня родня* посредством разных, в большей или меньшей мере эквивалентных конструкций: ИПБ1 – распространенным дополнением *non sapevo di avere una tale parentela* (= *не знала о такой родне*), ИПБ2 – дополнительным придаточным *non sapevo quali sono i miei parenti* (= *не знала, какие у меня родственники*), ИПБ3 – дополнительным придаточным *non sapevo neanche chi fossero i miei parenti* (= *даже не знала, кто мои родственники*). В переводе ИРБ придаточное опущено, оно свернуто в дополнение, выраженное личным безударным местоимением *lo*, которое используется в итальянском в анафорической функции: *non lo sapevo* (= *не знала об этом/не знала этого*). Такое, достаточно произвольное, на наш взгляд, опущение не мешает, однако, интерпретации фразы, так как анафора не отделена от антецедента длинным текстом. Если учесть к тому же, что вторая половина реплики *Ну, теперь я себя покажу..* не может быть передана на итальянский буквальным соответствием без утраты идиоматичности, то свертывание ИРБ оказывается очень удачным: оно облегчает первую половину фразы, и вся фраза по длине уравнивается (15 слов в оригинале, 16 в переводе).

Все переводы содержат различные дополнения, детерминированные актантной структурой итальянской перифрастической глагольной конструкции *far vedere* (= *показать*). Однако только ИРБ вводит дополнение *a tutti* (= *всем*) – *Adesso si che farò vedere a tutti chi sono!* (= *А вот теперь я всем покажу, кто я такая*). В комментарии ИРБ интересна уверенность в правомерности дополнения: "Это же ясно из ситуации, что Кошка хочет похвастаться перед всеми на свете. Она – воображала, и у нее амбиции" (*sic!*).

Фрагмент 5

Все ИПБ дублируют порядок слов текста оригинала – слова автора следуют за репликой кошки. Только ИРБ разбивает реплику Кошки словами автора, сама

реплика кошки вводится междометием *Beh?* – коллоквиальным сигналом, хорошо передающим разговорную окраску русской реплики. По мнению эксперта эта перестановка слов, повторяющаяся и в следующих репликах (см. фрагмент 10), предпочтительнее, чем подстрочный итальянский перевод, дублирующий порядок слов в русском.

Идиоматические соответствия

Фрагмент 4

Только ИРБ использовал фразеологизм *Senza pensarci due volte* (букв. *не думая два раза*), который по стилистической окраске и степени семантической слитности эквивалентен русскому устойчивому сочетанию *недолго думая*. Все ИПБ дали буквальный семантический перевод отдельных компонентов сочетания. В результате в их переводах была допущена стилистическая неточность, а в некоторых случаях и семантическая: *не подумав об этом долго/подумав немного*.

Фрагмент 5

При передаче *Это что еще за новости?* ИРБ также использует стилистическое соответствие – *Che storia è mai questa?* (букв. *Что это за история?*). Этот стилистически окрашенный идиоматический оборот в итальянском языке может использоваться для выражения удивления/недовольства. Все ИПБ дали буквальный перевод на итальянский – *novità*, обратный перевод их вариантов на русский может звучать следующим образом: *Какая это новость?/Какие новости?*

Заключение

При интерпретации результатов представленного *case-study* крайне важно, на наш взгляд, помнить о том, что представленный контрастивный анализ был выборочным – в центре внимания находились переводческие решения раннего билингва. Очевидно, что каждый из переводов носителей позднего учебного билингвизма обладает собственным набором особенностей, которые также могут быть противопоставлены всем другим переводам. Индивидуальная природа как билингвальной компетенции, так и переводческих способностей любого информанта предопределяет относительный характер результатов нашего исследования. Тем не менее на основании переводческих решений нашего раннего билингва с определенной долей уверенности можно говорить о следующих отличительных чертах.

Среди положительных переводческих особенностей раннего билингва выделяются, прежде всего:

- ориентация на эквивалентность на уровне текста и даже жанра. С целью ее достижения широко используются самые разные виды переводческих преобразований, замен, добавлений и опущений;
- большая степень свободы от критерия семантической и формальной точности; пренебрежение словарными соответствиями в пользу узуса, что позволяет добиться ситуативной и жанровой адекватности,
- акцент на идиоматичности и выразительности речи и динамичности повествования;
- постоянный учет горизонта восприятия гипотетического адресата перевода – читателя-ребенка. Прогнозирование определенной коммуникативной и эстетической реакции адресата не только проявляется в переводческих решениях ИРБ, но и звучит в его металингвистических комментариях;
- ориентация на речевую культуру языка перевода. Информант не стремится передать языковые особенности оригинала, но смело использует все виды его адаптации к принимающей культуре.

В отличие от других информантов, стремящихся в переводе к семантической точности, иногда – в ущерб стилистической адекватности, ранний билингв ведет себя как полноправный соавтор текста. Судя по комментариям, он с легкостью разрешает одну из дилемм переводоведения – оставаться ли верным тексту оригинала или позволять себе его интерпретировать. Похоже, что при раннем билингвизме переводчику неведомы ни мучительные сомнения, ни ревностная приверженность собственному решению.

В качестве негативных особенностей переводов раннего билингва необходимо отметить чрезмерную произвольность преобразований, в особенности, когда они не мотивированы ни расхождениями двух языковых систем, ни требованиями жанра. Неудачные решения принимались, как правило, из-за поспешности, явной недодуманности в сочетании с чрезмерной уверенностью в собственном интерпретации ситуации. Остается открытым вопрос, связаны ли эти различия с билингвизмом или же с индивидуальными качествами и возрастом информанта.

References

- Aitchison, Jean, 1993: *Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon*. London; New York
- Altarriba, Jeannette; Heredia, Roberto R. (eds.) 2008: *An introduction to bilingualism. Principles and processes*. New York; London.
- Bhatia, Tey K.; Ritchie William C. (eds.) 2004: *The Handbook of Bilingualism*. London: Blackwell Publishing.
- Bell, Roger T., 1976: *Sociolinguistics: goals, approaches and problems*. 2 ed. London.
- Bialystok, Ellen; Hakuta Kenji (eds.) 1994: *In Other Words. The Science and Psychology Of Second language Acquisition*. New York.

- Burce, Kaya, 2007: The Role of Bilingualism in Translation Activity, vol. 11, available at: <http://www.translationjournal.net/journal/39bilingual.htm> [10.01.2013].
- Eco, Umberto 2010: Dire quasi la stessa cosa: esperienze di traduzione. 2 ed. Milano.
- Francescato, Giuseppe 1981: Il bilinguismo isolato. Studi sul bilinguismo infantile. Bergamo.
- Grosjean, François, 1982: Life with Two Languages: an Introduction to Bilingualism. Harvard.
- Grosjean, François, 1992: Another view of bilingualism. In: R.J. Harris (eds.), *Cognitive Processing in Bilinguals*, Amsterdam.
- Hamers, Josiane F.; Blanc, Michel H.A. (eds.) 2000: Bilinguality and bilingualism. Cambridge.
- Harris, Brian; Sherwood, Bianca, 1978: Translating as an Innate Skill. In: D.Gerver; H.Sinaiko (eds.) *Language, Interpretation and Communication* (155-170). New York..
- Lambert, Wallace E., 1978: Psychological Approaches to Bilingualism, Translation and Interpretation. In: D.Gerver; H.Sinaiko (eds.) *Language, Interpretation and Communication* (131-143). New York.
- Madden, Elena, 2008: Naši trehjazyczne deti. Sankt-Peterburg.
- Mihalkov, Sergej, 2003: Počemu myši kotov ne običajut. Moskva.
- Nicol, Janet, 2001: One Mind, two Languages. Bilingual Language Processing. Explaining Linguistics. Malden.
- Pavlenko, Aneta, 2011: Thinking and Speaking in Two Languages. Bristol, Buffalo, Toronto.
- Salmon, Laura, Mariani, Manuela, 2008: Bilinguismo e traduzione: dalla neurolinguistica alla didattica delle lingue. Milano.
- Toury, Gideon, 1995: Descriptive Studies and Beyond. Amsterdam.
- Zalevskaja, Aleksandra, 1999: Vvedenie v psiholingvistiku. Moskva.
- Zalevskaja, Aleksandra, 2008: Aktual'nye problemy dvujazyčija: obzor. Lingvistika i mež kulturnaja komunikacija 13, 125-144.
- Zimnjaja, Irina A., 1989: Psihologija obučenija nerodnomu jazyku. Na materiale ruskogo jazyka kak inostrannogo. Moskva.
- Wei, Li (ed.) 2000: The bilingualism reader. London.